

А.А. Брудный

ВОЛЯ, ЭГО И ОЧЕВИДНОСТЬ

Существование мира континуально, и это вполне очевидно. Но что касается его сущности, то тут дело так просто не обстоит. Отнюдь не случайно, что системы, приписывающие всему существующему единый субстрат, будь то материя, идея, энергия, не обладают достаточной объясняющей силой и не стали общепринятыми. Нет ничего невозможного в том, что сущность мира дискретна и правильнее было бы говорить о сущностях, образующих основу существования мира. Это вполне соответствовало бы философским предпосылкам, которых требует теория множественного интеллекта (Theory of multiple intelligence) Говарда Гарднера (4).

Здесь мы затрагиваем чрезвычайно любопытный вопрос об очевидности существования некоторых феноменов психической жизни; она, эта очевидность, как бы вытекает из неопровержимого личного опыта. Прекрасный пример приводит В.А. Иванников. Обращаясь к студентам, он говорит: «Если я вас сейчас спрошу – есть ли у вас воля, то я услышу много жалоб на то, что она у вас слабая. Никто не задает мне вопрос, про что я спрашиваю, потому что все понимают, про что я спросил» (6, с. 187). Я, разумеется, повторил этот вопрос на одной из лекций и получил в АУЦА полное подтверждение наблюдений, сделанных В.А. Иванниковым в МГУ. Подтвердился и следующий его тезис: «Проблема воли в том и состоит, что никто не сомневается в ее наличии, но никто не знает, что это такое» (6, с. 187). Стоит добавить, что дифференциация синонимов воля (в условном значении «власть») и воля (в условном значении «свобода») вызывает – в контексте – затруднения: так, название организации «Народная воля» чаще толкуют как «свободу народа», чем «исполнение воли народа». Между тем, правильно последнее толкование. Определения же «воли» как феномена психики индивида вообще разноречивы. И это касается не только проблемы воли. «Теперь вызывает опасения та легкость, с которой огромные массивы накопленных знаний предаются забвению, не будучи востребованы современными парадигмами. Парадигма из инструмента мобилизации накопленных знаний превращается в инструмент элиминации. Это новая ситуация, и мы не знаем, во что она разовьется» (7, с. 7-8).

Хотелось бы в этой связи напомнить, что в «Тэвистокских лекциях» К.Г. Юнг помещал в центр скрещения основных психических функций «эго, с присущей ему энергией, это - энергия воли» (11, с. 26). Согласно «принципу однополюсной траты (?) энергии», предложенному в свое время К.Н. Корниловым, внутренне присущая организму энергия движется по условной вертикальной оси. Идея эта в современной интерпретации приблизительно такова: существование организма имеет своей сущностью энергию. То, что объективно является энергией, субъективно ощущается как воля. Воля – это энергетический субстрат выбора. Когда воля уходит, условно говоря, «вверх», в мозг, в

neocortex – она обращается в интеллект, в выбор знаков, их сочетаний, в мысль. Когда энергия уходит в тело, в мышцы – она реализуется в поведении, обращается в мышечные движения. И Л.С. Выготский считал, что «самым характерным для овладения собственным поведением является выбор, и недаром старая психология, изучая волевые процессы, видела в выборе самое существо волевого акта» (2, с. 274). Это не ??? и «старой психологии» относятся: слова Жана-Поль Сартра «Ты – это твой выбор» прозвучали (и стали общеизвестными), много лет спустя; после Пиаже в трудах психологов запада имя Л.С. Выготского упоминалось редко. Надо сразу же отметить, что с энергетической точки зрения выбор вторичен по отношению к побуждению и действию и его силе. Более того, в крайнем выражении поведенческая активность как бы заслоняет момент выбора (столь важный для эго) и там, где это фактически не представлено, где царствует id, энергия обретает свободу выражения. Полное овладение собственным поведением приводит к тому, что воля приобретает все признаки своего второго значения – становится свободой. Это блестяще показано у М. Зощенко. «Автор стоял у клетки, набитой обезьянами, и следил за ихними ужимками и игрой...

Ужасно бурные движения, прямо даже чудовищная радость жизни, страшная, потрясающая энергия и бешеное здоровье были видны в каждом движении этих обезьян.

Они ужасно бесновались, каждую секунду были в движении, каждую минуту лапали своих самок, жрали, какали, прыгали и дрались.

Это был просто ад. Это был настоящий и даже, говоря возвышенным языком, великолепный пир здоровья и жизни.

Автор любовался этой картиной и, понимая свое ничтожество, почтительно вздыхая, стоял у клетки, слегка даже пришибленный таким величием, таким великолепием жизни.

«Ну что ж, - подумал автор, - если старик Дарвин не надул и это действительно наши почтенные родичи, вернее - наши двоюродные братья, то довольно-таки грустный вывод напрашивается в этом деле».

Вот рядом с клеткой стоит человек - автор. Он медлителен в своих движениях. Кожа на его лице желтоватая, глаза усталые, без особого блеска, губы сжаты в ироническую, брезгливую улыбку. Ему скучновато. Он, извольте ли видеть, зашел в зверинец поразвлечься. Он зашел под крышу, чтобы укрыться от палящих лучей солнца. Он устал. Он опирается на палку.

А рядом в неопишемом восторге, позабыв о своей неволе, беснуются обезьяны, так сказать - кузены и кузины автора.

«Черт возьми, - подумал автор, - прямо даже великолепное здоровье в таком случае я соизволил порастрясти за годы своей жизни, за годы работы головой...»

Точки избраны крайние. Проблемы выбора для обезьян в вольере не существует. Энергия бурно выплескивается наружу, в телесную динамику существования. И ее с усталой иронической усмешкой наблюдает тот, чья энергия ушла в движение мысли, в выбор наиболее точных и действенных форм ее выражения. И «он устал». Устал «за годы работы головой». Результаты этой работы опять-таки обрели внешнюю, знаковую форму, свойственную продукту творческого труда писателя.

Побуждение к изменению действительности несомненно существует и В.А. Иванников с основанием связывает понятие воли (как объяснительное) именно с побуждением – наряду с выбором. Надо однако отметить, что действительными являются и факты психической жизни человека, причем желание изменить действительность может быть направлено и на изменение сознания. Это произошло в Азии и не случайно. «Азия — это человечество в своей, человеческой судьбе. Величиной своей, множеством народов, высотой былых побед и глубиной темных раздумий она очень похожа на то, о чем мы думаем, когда говорим «весь мир». Она скорее космос, чем континент. Таков мир, созданный человеком, и в нем немало прекраснейших человеческих творений. Тем самым Азия — полноправный представитель язычества и единственный соперник христианства. Там, где она перебросилась на южные архипелаги дикарей, или там, где безымянные чудища кишат в загадочном сердце Африки, или там, где остатки погибших рас ютятся на холодном вулкане доисторической Америки, повторяется одно и то же, разве что иногда до нас доходят только последние главы» (10, с. 242).

Попытки изменения сознания Р.Г. Уоссон связывает с галлюциногенным воздействием мухомора красного. «Коренные жители Чукотки, долин Оби и Енисея не разглашали информацию, которая казалась им самоочевидной: в их обществе каждый знает, почему перевозится береза. Что касается микологов, которые, безусловно, знакомы со специфическими взаимоотношениями березы и мухомора красного, то они привыкли обсуждать собственные достижения между собой, но никак не с антропологами. (...) Говоря кратко, я утверждаю, что легенды о Древе Жизни и о Чудесном Растении появились в лесополосе Евразии, дерево представляет собой не что иное как сибирскую березу, а чудодейственное растение — мухомор красный, сома, rongo (гриб) угорских племен. На самом деле, мы знакомы с этой легендой из клинописных источников Шумера и стран, лежащих западнее. Там береза осталась лишь воспоминанием, и невозможно дать ответ на вопрос, как много даже самые осведомленные жрецы могли знать о чудодейственном растении. Но легенды, повествующие о силе сомы, сохранили свое влияние, они были представлены в рисунках, скульптурах, надписях на глиняных дощечках. Не стоит забывать, что шумеры, хетты, митаннийцы и другие племена, известные и неизвестные, пришли с севера, где о чудесном растении знали по собственному опыту. С собой они унесли все сказания, которые и были зафиксированы на глине сразу после изобретения ими письменности» (9, с. 180).

Однако, эта форма жизнепользования обрела культурно-историческое значение лишь в Центральной и Южной Америке; там она стала частью традиционной индейской культуры и цивилизации.

Определяя «цивилизацию» как жизнепользование, мы имеем в виду, что под историческим углом зрения понятия «культура» и «цивилизация» близки и объем их частично перекрывает друг друга. Тем не менее, заслуживает внимания точка зрения Освальда Шпенглера, который подчеркивает то обстоятельство, что культура на конкретных (позднейших) этапах своего развития как бы вытесняется цивилизацией: формы жизнепользования умножаются, удовлетворяя потребности людей так, что «ценность» все больше замещается «ценой». Ранее мы пытались охарактеризовать культуру как опредмечивание отношений между людьми (1). При этом опредмечивание это осуществляется двояко: семиотично и ценностно. Семиотические аспекты цивилизации постепенно вытесняют ценностные аспекты культуры: ярмарка занимает место карнавала, лицо общества изменяется. Не выражение лица (это дело культуры), а именно лицо. Можно даже сказать, что, когда утверждают, что общества более не существует (2), имеют в виду, что общество потеряло лицо. Глобализация - симптом этой потери. Цивилизация порождена обществом и удовлетворяет потребности людей; культура порождается людьми и выражает ценности общества или, тоже, опредмечивает отношения, которые общество создает. Возможно, что это опредмечивание содержит в себе какое-то решение (или попытку решения) проблемы человека. Что касается цивилизации, то ее достижения наделены более всего на решение проблемы потребностей человека и форм реализации этих потребностей. При этом культура ориентирована, скорее всего, на развитие сущностных сил личности, достижения же цивилизации имеют тенденцию к массовидности, не к индивидуальному, но к массовому сознанию.

В сущности своей сознание всегда подразумевает сопоставление различных взглядов на предмет. Соответственно общение, порождающее сознание, и есть встреча различающихся, даже противоречивых точек зрения, а прославленная философами диалектика есть проекция общения на предметный мир. И это естественно. Ведь познание природы и социума не сводимо к мыслям единичного субъекта, оно является продуктом взаимодействия субъектов познания, в конечном счете - их общения. Другое дело, что в философских трудах мы постоянно встречаем единого субъекта познания, заменяющего единичных - заменяющего их в силу классической традиции, а может быть и по воле коллективного бессознательного. Архетипы имплицитно присутствуют во всей психической жизни индивида и общества. В этой работе обсуждается вопрос о взаимодействии двух параллельно функционирующих систем, обеспечивающих существование общества. Назовем их витальными, имея в виду их жизнеобеспечивающую роль. Первая витальная система носит предметно-энергетический характер и выражается в перемещении вещественном, вторая - выражается в передаче информации. В основе своей дифференциация этих систем условна: передача

информации предполагает материальный её носитель (сигнал) и требует определенных энергетических затрат; перемещение вещей имеет информационный аспект как это афористически сформулировал В. Берестов "вещь - это весть".

Тем не менее, различие витальных систем вполне оправдано, ибо для первой витальной системы главную роль играют именно вещество и энергия, а для второй - информация. Еще на донаучной стадии развития картины мира различались существующая функция и то, без чего существование функции невозможно. Известно, что аборигены Новой Каледонии различали камо (настоящее функционирующее) и то, без чего это "камо" не существует: для существования кольца необходима пустота, для существования ночного небосвода - млечный путь, для функционирования топора - топорщице, его рукоятка.

Существование двух витальных систем, их значение для рыночных отношений и психики индивида резкими, четкими штрихами нарисовано А.Н. Толстым:

«Около Невзорова появился продавец мерлушек. Это был беспокойный человек.

- Мерлушкой интересуетесь?

- Почем? – небрежно спросил Невзоров.

- Сто карбованцев шкурка.

- Товар или только накладная?

- Какая вам разница?

- Тогда идите к чорту, - сказал Невзоров, отвернулся (...) А в голове засели проклятые мерлушки. Да и как им не засесть, подумайте только. В Константинополе цена каракуля три английских фунта. Если вывезти, на плохой коней, две тысячи шкурок...»

Связь двух витальных систем здесь просматривается очень отчетливо. Презрительно отвергая накладную, Невзоров однако видит за ней обитые цинком ящики с каракулем и уже прикидывает на каком корабле их можно вывезти. За знаковой формой, присущей второй витальной системе, находится принадлежащий первой витальной системе предмет транспортировки, предмет обмена на денежные знаки, оладающие уже не единичным (накладная), но универсальным (валюта) значением.

Проблема воли как побуждения к действию и его силы связана с функциями эго, не сводимыми к классическому *id*. Именно эго имеет кардинальное, непосредственное, очевидное отношение к решению генеральной проблемы общества как порождающей себя генеалогической машины.

Это проблема самопорождения человека. На уровне *телесном* она решается путем полового отбора. О нем уже шла речь. Он, согласно Дарвину, и породил человека.

И очевидно, что человек тут зародился и вырос потому, что и отношения на этом — телесном — уровне были выражением любви, то есть экстремального интереса и понимания. Иначе это были бы отношения животных.

Но человек вне труда и орудий труда — не вполне человек. И Возникает проблема производства орудий труда, идеальное решение которой — самопорождение человека на *орудийном* уровне.

Как вы, наверное, помните, Аристотель делил орудия производства на *instrumentum mutum, instrumentum semivocale et instrumentum vocale*: на орудия немые (плуг, мельничное колесо), полуговорящие (рабочий скот) и говорящие (рабы). Последние, несомненно, были наиболее разнообразными функционально, но работать они не хотели, и этот факт сыграл огромную роль в истории общества. Это роботы — Чапек впоследствии ярко их описал, а сейчас их нача-ли изготавливать, хотя они еще очень дороги. Идея, однако, родилась в пражском гетто, где Львом бен-Бецаллелем был создан первый робот — Голем. Голем был послушен, человекоподобен и исключительно силен. Сразу же возникла проблема его пуска и выключения — генеральная проблема всех механических устройств, и проблема его повиновения — вечная проблема рабовладения. Все легенды о Големе связаны с его выходом из повиновения.

О бунте роботов писал и Чапек. Все эти вопросы еще не поставлены в порядок дня. Но к ним не стоит относиться легкомысленно.

"Опасен ли искусственный интеллект? Это весьма серьезный вопрос. Искусственный интеллект должен быть сильным, он настолько должен быть сильным, он настолько должен в перспективе превосходить мозг человека, насколько, скажем, термоядерная бомба превосходит артиллерийский снаряд. Не выйдет ли тогда искусственный интеллект из-под контроля человека, не окажется ли в будущем человек в таком положении, в каком сейчас находится комар? Человек силен своим сознанием. Опасность, очевидно, возникает тогда, когда "сознание" искусственного интеллекта будет мощным". Эти рассуждения самого сильного (в прошлом) в мире шахматиста и видного ученого стоит принимать в расчет. Он знает, о чем говорит, а это существенное обстоятельство.

И, наконец, третья форма самопорождения — *знаковая*. Это тексты. Но и портреты. Но и фильмы. И само подобие человека (текст) изучено еще очень слабо, хотя еще в 20-е годы видный лингвист Григорий Винокур писал: "Развитие есть не что иное, как только синтаксически (а вовсе не эволюционно) развернутая личность". Это очень сильно. Тогда еще о гипотезе Ингве и речи не было; между тем Винокур понял, что на глубину одной памяти развертывается одна личность.

Как это понять?

По видимому, это как носитель воли имеет прямое отношение к вероятностному прогнозированию (8). И ожидание, наряду с волей — самоочевидный феномен

психической жизни является необходимой частью процесса существования человека как родового существа.